

Виктор Васильевич Кириенко
Panstwowy Techniczny Uniwersytet im. P.O. Suchowa w Homlu
Białorus

Влияние польского этноса на формирование менталитета белорусов

На формирование белорусского этноса существенное влияние оказал близкий по культуре и языку *западнославянский польский этнос*. Западная граница, разделяющая белорусский и польский этносы, была наполнена сложными, интенсивными и часто драматическими событиями. Поляки во взаимодействии с германцами раньше восточных славян получили достаточно устойчивые западноевропейские культурные „прививки”. Западноевропейские архитектура и градостроительство, музыка, живопись, агротехника в земледелии, рационализированные товарно-денежные взаимоотношения - все это польский этнос усвоил раньше восточнославянских этносов. Будучи проводником более активной, чем православие, католической версии христианства, более сильные западнославянские соседи постоянно стремились к религиозной экспансии на Восток. Интенсивному процессу проникновения польской культуры и языка в культуру и язык белорусского этноса послужили такие политические события, как заключение союза между Великим Княжеством Литовским, Русским и Жемойтским и Польским Королевством (Кревская уния 1385 года) и последующее объединение этих государств в единое мощное федеративное государство - Речь Посполитую (Люблинская уния 1569 года). Политическая интеграция западных и северо-западных соседей существенно ослабила русскую (белорусскую) составляющую в новом государственном образовании. В конце XVII века на территории Беларуси польский язык был введен в качестве государственного¹.

После создания единого польско-литовского государства - Речи Посполитой, для освоения и закрепления новых территорий польское правительство систематически переселяло на земли Литвы и Беларуси своих подданных. „Поляки, землевладельцы и вообще дворяне, бывшие чиновники, учителя, артисты и другие лица, преимущественно из привилегированных сословий, живут по деревням и в городах. К ним также принадлежат однодворцы и граждане из польской шляхты, не доказавшие прав своих на

¹ М.Ф. Пилипенко, *Возникновение Белоруссии: новая концепция*, Минск 1991, с. 62.

дворянство. В городах, как губернских, так и уездных, а равно в местечках, мещанское христианское сословие принадлежит также к полякам, как усвоившие польский язык и большею частью признавшие себя поляками".²

К концу XIX века значительная часть городского и местечкового населения Западной Беларуси в той или иной степени была полонизированной. Значительная часть западных белорусов собственную самоидентификацию производила по религиозно-конфессиональному признаку (мы - католики). Особенно рельефной полонизации были подвергнуты города западной и центральной части Беларуси, большую часть населения которых составляли поляки, евреи и полонизированные белорусы. Городская культура Центральной и Западной Беларуси во второй половине XIX века по преимуществу была польской. „Хотя в Минске большинство жителей из низших сословий православного исповедания - общий народный характер города чисто польский. Разговорный общеупотребительный во всех слоях общества язык - польский. В западных губерниях мерилom национальности могут служить евреи. В Витебске и Могилеве, где русский язык господствует, евреи по-польски почти совсем не говорят; в Минске же, также как в Вильнюсе, Гродно и Ковно все евреи очень хорошо говорят по-польски".³

Активными проводниками польской культуры в Беларуси было *шляхетское сословие*, в своем большинстве состоявшее из воспринявших польскую культуру белорусов. Как правило, они проживали обособленно, в *шляхетских околицах и застенках*. Основную массу белорусских шляхтичей составляли так называемые *панцирные бояре*. В польско-литовском государстве они представляли военно-служивый класс низшего разряда. Система панцирного боярства, по сути дела, была аналогом российского казачества. За службу в пехотных, т. е. *панцирных войсках*, им раздавались небольшие участки земли, преимущественно на восточных землях Речи Посполитой. Таким образом, на восточных окраинах Смоленской, Витебской и Могилевской губерний были образованы целые поселения панцирных бояр, в которых „шляхта живет или отдельными семьями в деревнях, или хуторами, или же целыми селениями. Ряд таких селений встречается в Мстиславском уезде: ряд шляхетских деревень идет по *Сожскому водоему*; такими же деревнями усеяно течение реки *Друти*. В Минской губернии шляхетские поселения большими группами находятся в Новогрудском, Игуменском и Слуцком уездах".⁴

Шляхтичи, также как и крестьяне, свою жизнь обеспечивали сельскохозяйственным трудом, но, в отличие от крестьян, были освобождены от крестьянских повинностей, чем очень гордились. После раздела Речи Посполитой, в результате чего Беларусь вошла в состав Российской империи (кроме незначительной части) сумевшие доказать свое дворянство, панцирные

² Живописная Россия, Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении: Литовское и Белорусское Полесье, Минск 1993, с. 284.

³ Там же, с. 361.

⁴ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества, под ред. П.П. Семенова, СПб, Т. 9, с. 202.

бояре были переведены в разряд государственных крестьян или мещан. „Указом 1866 года панцирные бояре были переданы в ведение общегубернских по крестьянским делам учреждений, а указом 27 марта 1873 года панцирные бояре сливались с городскими и сельскими обывателями. Сами же бояре, сидевшие на земле, приобретали права крестьян-собственников. Безземельные приписывались к городскому сословию”.⁶

На территории Беларуси „было много мелкой шляхты, так называемой загоновой или застенковой. Это был или безземельный люд, или же шляхта, сидевшая на собственной или арендованной земле, в размере, не превышающем хорошего крестьянского надела. Это были люди бедные или необразованные, не имеющие возможности и не желавшие нести правительственную службу. Быт этой бездомной шляхты не напоминал быта дворянства, а шляхетские права ее были более чем сомнительны. [...] В Могилевской и Витебской губерниях местный генерал-губернатор насчитывал до 20 тыс. мелких дворян, которые сами занимались хлебопашеством или арендовали землю, или служили писарями или приказчиками”.⁶

По своему материальному благополучию и источникам доходов шляхтичи, утратив свои привилегии, мало чем отличались от белорусских крестьян. Одни из них „живут на собственных крошечных участках земли, другие поселены на казенных или владельческих землях. Плохая избенка, такие же, большей частью, как и у крестьян, лапти, из такой же домашней выделки сукна одежда, но сшитая иначе, с высоким стоячим воротником, с разными тесемками, шнурками и пуговками и называемая *капота*, в отличие от сермяги: жизнь бедная, трудовая”.⁷

Несмотря на то, что к концу XIX столетия бывшие шляхтичи юридически ни чем не отличались от белорусских крестьян и мещан, тем не менее, они дистанцировались от крестьян, неохотно смешивались с ними. Культура, быт, манеры поведения бывших шляхтичей отличались от культуры и быта коренного белорусского населения и были смешением белорусских и польских культур и языков. „Бывшую шляхту легко отличить от крестьян. Прежде всего, она в сильной мере подверглась полонизации. В шляхетском селе где-нибудь под Новогрудком или Игуменом слышится польская речь с сильной примесью белорусской; напротив, заднепровская и подвинская шляхта говорит по-белорусски, но с сильной примесью польского языка. Громадное большинство шляхты исповедует католичество, меньшинство - православие. Польское влияние отразилось на одежде и привычках шляхтича. Шляхтич сбривает бороду, одевается в черный или серый суконный кафтан, на голове носит картуз свободного покроя. Шляхтянка носит кофту и юбку из ситца, одевается в пальто старинного покроя. Хата шляхтича в общем сходна с белорусской; отличается она от последней большим размером и тем еще, что имеет чистую горенку. В горенке найдется голландская печь, стены ок-

⁵ В.И. Пичета, *История белорусского народа*, Минск 2003, с. 82.

⁶ М.В. Довнар-Запольский, *История Белоруссии*, Минск 2003, с. 309.

⁷ *Живописная Россия...*, Там же, с. 25-26.

леены обоями, или оштукатурены и выбелены, на стенах висят лубочные картинки и зеркальце. Нечего говорить о том, что шляхтич не чуждается предметов городской обстановки: самовар, керосиновая лампа, фаянсовая посуда и другие предметы обихода, ситец, фабричное сукно и т. п. составляют необходимое дополнение деревенских изделий”.⁸

Быт, уклад жизни бывшей шляхты характеризовался смешением панского, господского уклада жизни с крестьянским. Память о прошедших временах не давала возможности шляхтичам „опуститься” до уровня крестьян. Шляхтич „и при грязной избе, в которой у него также живут свиньи и птица, старается пристроить горенку [...], окна украшает бальзаминами, гортензией, геранью; дочерям и жене покупает перчатки; шляхтянки одеваются в белые, как снег, юбки, в белые кофточки или рукава и в праздничное время распускают зонтики; но на дворе грязи не чистят, в избе полов не настилают, ходят по земляному”.⁹

Быт, уклад жизни бывшей шляхты характеризовался смешением панского, господского уклада жизни с крестьянским. Шляхтич „и при грязной избе, в которой у него также живут свиньи и птица, старается пристроить горенку [...], окна украшает бальзаминами, гортензией, геранью; дочерям и жене покупает перчатки; шляхтенки одеваются в белые, как снег, юбки, в белые кофточки или рукава и в праздничное время распускает зонтики; но на дворе грязи не чистят, в избе полов не настилают, ходят по земляному”.¹⁰

И, тем не менее, память о прошедших временах не дает возможности шляхтичам „опуститься” до уровня крестьян. „Бывший шляхтич не станет родниться или брататься с крестьянином; он нередко полуграмотен, но помнит предания и родословную своей фамилии, гордится своими предками. И в самом деле, в числе однодворцев, а также граждан (той же шляхты, приписанной к городским сообществам, но не называющихся мещанами) есть и такие, у которых целые сундуки завалены старинными грамотами, привилегиями и разными документами, доказывающими не только их дворянское происхождение, но даже значительную роль, которую сыграли их предки в былое время”.¹¹ Шляхтичи при всей своей бедности не упускали возможности доказать свое отличие от крестьян. „Серая масса бывшего шляхетства, выделяясь из крестьянства по общему строю своего мировоззрения, сохраняет еще многие черты последнего. Крестьянские обычаи и обряды, равно как и песня, господствуют и в шляхетской среде. На всем этом, однако, сказывается сильное польское влияние. Лица, близко стлавившиеся со шляхтичем-земледельцем, отдавая ему во многом предпочтение перед крестьянином, отмечают однако и не совсем симпатичные черты в характере шляхтича. Близость к польским панским дворам внесла в среду шляхтича-земледельца некоторые особенности. Шляхтич выделяет себя среди крестьянства, очень гордится своим полудворянским

⁸ *Россия. Полное географическое описание нашего Отечества...*, Там же, с. 201.

⁹ *Живописная Россия...*, Там же, с. 467.

¹⁰ Там же, с. 467.

¹¹ Там же, с. 26.

происхождением и свысока относится к крестьянину, но зато усердно раболепствует перед высшими".¹²

В целом, общая культура, быт, профессионализм шляхтичей, в той или иной степени усвоивших польскую культуру, отличались от крестьянских быта и культуры. Исследователи белорусского этноса сходились во мнении, что белорусская шляхта, вне сомнения, сыграла положительную роль в прозападном окультуривании быта, культуры, в т. ч. агротехники белорусского этноса.

Таким образом, несмотря на сложные, порой драматические отношения между белорусским и польским этносами, следует отметить, что, благодаря белорусско-польскому взаимодействию, белорусы раньше великорусского этноса освоили многие элементы западноевропейской культуры. Почти столетие спустя, после официального включения белорусских территорий в состав России и соответствующего изменения официального культурного вектора с польского на русский, представители официальной российской науки констатировали, что „продолжительное и отчасти славное историческое прошлое Литовской области (Гродненской, Виленской и Ковенской губерний - (выделено мною, В. К.) - во время ее единения с Польшей дало этой области такие культурно-исторические элементы и черты, которые не могли исчезнуть, испариться в одно столетие и не могут быть уничтожены искусственно. Польское или ополячившееся дворянство и даже мелкое шляхетство со своим родным языком, находящим точку опоры в богатой и дорогой каждому поляку литературе, со своей религией и историческими преданиями, с высокой для своего времени и достаточно состоятельной культурой, не может быть ни уничтожено, ни даже вытеснено и надолго еще останется одним из важнейших культурно-исторических элементов области".¹³

Литература

1. М.Ф. Пилипенко, *Возникновение Белоруссии: новая концепция*, Минск 1991.
2. *Живописная Россия, Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении: Литовское и Белорусское Полесье*, Минск 1993.
3. *Россия. Полное географическое описание нашего Отечества*, под ред. П.П. Семенова, СПб, Т. 9.
4. В.И. Пичета, *История белорусского народа*, Минск 2003.
5. М.В. Довнар-Запольский, *Истории Белоруссии*, Минск 2003.

¹² *Россия. Полное географическое описание нашего Отечества...*, Там же, с. 202.

¹³ *Живописная Россия...*, Там же, с. 232.